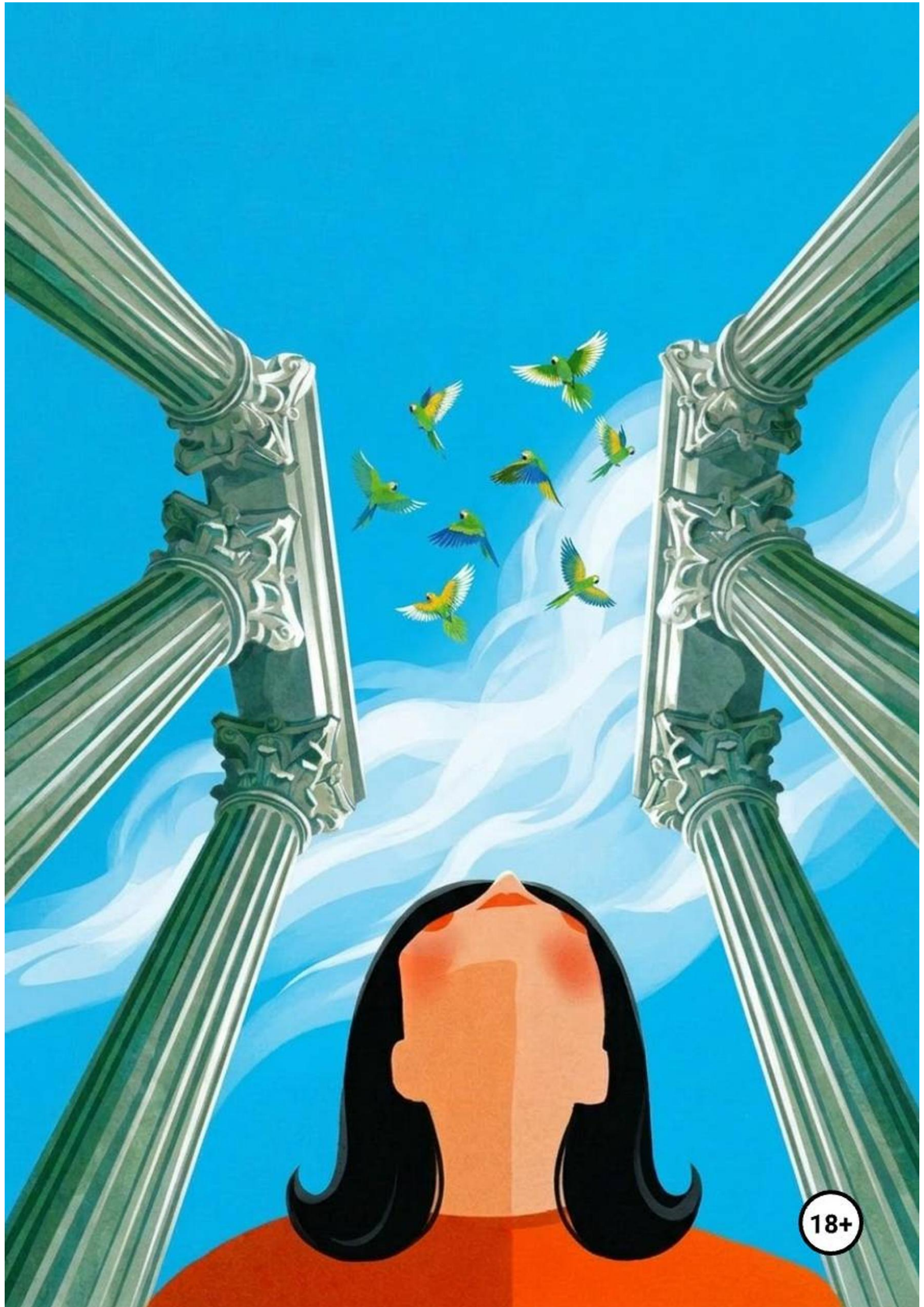

Веста Русинович

Я буду сильной, но это не точно

«Автор»

2026

Русинович В.

Я буду сильной, но это не точно / В. Русинович — «Автор», 2026

В шестнадцать лет жизнь Веры раскололась на «до» и «после» под рев мотоцикла на пешеходном переходе. Разбитый асфальт, запах бензина – и ледяной ужас перед дорогой стал ее невидимым спутником. Она научилась жить, пряча панические атаки за иронией и надежной спиной мужа. Но у судьбы длинная память. Январь 2015 года. Рождество. Вместо праздничного стола – операционная, вместо радостных криков – тишина реанимации. Преждевременные роды превращаются в битву за жизнь сына, а старая травма из «лихих девяностых» внезапно заявляет свои права на настоящее. Мир героини сузился до размеров стерильного кувеза. А исцеление – не только сына от диагнозов, но и себя от парализующего чувства вины – растянулось на годы. В октябре 2025-го Вера решается на сольное путешествие в Рим, чтобы встретиться наконец со своими тенями лицом к лицу. Среди античных руин и теплого шума Трастевере ей предстоит пройти самый сложный квест: научиться дышать в одиночку, не оглядываясь на призраки прошлого.

© Русинович В., 2026

© Автор, 2026

Веста Русинович

Я буду сильной, но это не точно

«Вселенная решила устроить мне проверку»

12 октября 2025, 22:12

Вильнюс, гостиничный номер

Совсем не знаю, зачем я это делаю. Прямо сейчас Филлип наверняка рыдает на руках у мужа, а у меня на сердце – камень. Но видимо, Вселенная решила устроить мне проверку на прочность, приготовив что-то действительно важное. Может, я найду в Риме не только древние развалины, но и осколки самой себя?

Сию в автобусе на полпути до Вильнюса. Вокруг – суета: люди рассаживаются, звонят родным, взволнованные. А я тихо паникую и тихо пускаю слезу в надежде, что так станет легче. Но все же надеюсь, что не буду реветь все десять часов пути. Я ведь не какая-то слабачка, я – девушка, которая решилась на 10 дней в Риме в одиночку! Но сейчас чувствую себя больше перепуганным хомячком, забравшимся в колесо судьбы, не авантюристкой.

Решение вести дневник пришло вместе с покупкой билетов. Подумала: буду записывать впечатления, хоть отвлекусь от страха. Но я не учла важного нюанса: при панике мозг отключается, как перегруженный компьютер. Мысли начинают путаться, а слова совсем не складываются в предложения.

Вообще-то, у меня «дневниковая травма». В детстве мы с двоюродной сестрой (мы были неразлучны, называли друг друга просто «сестра») вели зашифрованный дневник. После первой же попытки покурить (на самом деле попытка была не первая, но именно увековечение для предков сего факта было впервые) мы записали: «Мысы посошлись посокурусисились». Но наша бабушка, оказавшаяся криптографом-самоучкой, мгновенно расшифровала послание. Родители, приехав на выходные, вручили нам таких «сисигасаресетных трысндюсюлесей», что желание вести дневник отпало на два десятилетия.

Прошло около 20 лет, и теперь я записываю свои запретные мысли в дневник без прежней паники и страха, что их кто-то прочтет. Но теперь мною движет «синдром отличницы»: если уж и вести дневник, то обязательно красиво и складно. И хоть мой почерк больше напоминает кардиограмму, а слог далек от идеала, сегодня, в свои 36, я бросаю себе вызов. Начиная «хронику» итальянского путешествия. Пусть криво, зато честно.

И вообще – мне нужно перестать бояться себя, иначе рискую не попробовать ничего из запланированного. Вот женщина напротив так громко рассказывает в телефон, что летит в Америку и требует апгрейд до бизнес-класса, что мне становится завидно. Не полету, а ее уверенности! Она делает то, что хочет, никого не стесняясь. А я даже в туалет в автобусе сходить боюсь – вдруг кто-то услышит?

Но я твердо намерена измениться в этой поездке. Хотя понимаю: страх опозориться не уйдет за один день. Каждый раз, когда буду спрашивать дорогу до Колизея или заказывать кофе, мне придется бороться с собой. Но буду записывать все в этот дневник – отслеживать прогресс и мотивировать себя.

Пока писала, мы успели добраться до литовской границы. Интернет пропал, а с ним и последнее ощущение связи с домом. Стало тревожно. Почемуууу? Вон подростки уезжают учиться за границу без родителей, а я веду себя как ребенок, впервые оставшийся без мамы. Возможно, это результат родительской гиперопеки: мне редко позволяли сделать лишний шаг

без их указания, а возможно, я просто по жизни сцикуха. Впрочем, некогда философствовать – пора проходить контроль.

19:13

Вильнюс, номер в гостинице

Итак, первый этап пройден! Я в гостинице в Вильнюсе, успешно справилась с эмоциями. Оказалось, не так страшно, как казалось. Хотя временами «кроет»: например, когда мылась в душе, поймала себя на мысли, что скучаю по мужу. Хотелось, чтобы он был рядом, тогда было бы не так тревожно и даже чуть веселее, а то даже поворчать не на кого.

Но мне нужно это одиночное путешествие: чтобы разобраться в себе, понять, чего я хочу на самом деле. Кто я – кроме как жена, мама, дочь и внучка?

Что ж, поздравляю себя с первым днем перерождения. Завтра – Рим. А пока – заслуженный отдых.

ГЛАВА 1

«Я, походу, рожаю»

5 января 2015, 19:47

Съемная квартира

Иду в туалет и, проходя мимо мужа, бросаю: «Давай, собирайся, прогуляемся на ночь глядя». Сажусь с привычной мыслью: «Ну, в целом, я немного набрала за беременность, я молодец. Но с другой стороны, еще только 33-я неделя, так что время добрать килограммы еще есть».

И вдруг – слышу тихий, но очень четкий щелчок изнутри. Что-то вроде щелчка пальцами. Замираю и судорожно думаю: «Что же это может быть?» И в этот момент чувствую: внутри что-то кардинально изменяется, и мощной теплой волной вода начинает стекать по ногам. Я встаю и не могу понять, что происходит, мозг отказывается обрабатывать это ощущение.

Кричу:

– Андрей! Походу, у меня отходят...

– Воды? Нет, не может быть, это же рано! – Муж врывается в туалет, глаза полные растерянности: – А что делать?

Я, уже почти на автомате:

– Давай, вызывай скорую! Потому что... потому что это точно воды. Отошли.

Он начинает судорожно метаться по квартире. И я беру все в свои руки, потому что надо же кому-то сохранять самообладание, хоть и немножко. Набираю «03», голос вроде бы звучит ровно:

– У меня беременность, 33-я неделя, только что отошли воды.

В это время муж, придя в себя, находит в шкафу несколько больших, махровых, пахнущих свежестью полотенец.

Смотрит на меня испуганно.

– Верусь, что происходит? У тебя же только 33-я неделя... Чего так рано?

– Андрей, я сама не знаю, что это, давай дождемся скорой...

Он в такой прострации, что совсем мне не помощник – приходится делать все самой.

Ложусь на диван, подкладываю под себя эти махровые полотенца – они такие грубые и холодные на ощупь – и зажимаю одно между ног, пытаюсь остановить поток, который, кажется, совсем не думает прекращаться. В голове каша. О чем думать? О том, почему это случилось так

рано, на 33-й неделе? Или о том, почему нет схваток, хотя по всем сериалам они должны были начаться сразу? Полная тишина внутри, никакой боли, только мокрое неуютное тело. Опыта у меня в этом деле ноль, я не знаю, как все должно быть, и от этой неизвестности становится еще страшнее.

Муж садится рядом на край дивана (пружины скрипят под его весом). Он не говорит ни слова, просто смотрит на меня широко раскрытыми глазами, полными паники. В его взгляде читается один-единственный вопрос: «Что же теперь будет?»

И вот я, парадокс, уже начинаю его успокаивать. Говорю тихим, но почему-то твердым голосом:

– Все будет хорошо, я чувствую. Не переживай, главное – не паникуй.

Беру телефон дрожащими пальцами. Набираю маму. Рассказываю першащим голосом:

– Мам, у меня воды отошли.

На том конце провода мгновенная тишина, а затем взрыв – вздохи, причитания, суета. Мама уже мысленно бежит ко мне. Теперь мне приходится успокаивать еще и ее:

– Нет, нет, не надо, мы уже вызвали скорую, все под контролем...

Вешаю трубку и проваливаюсь обратно в вакуум своих мыслей, в это странное ожидание, где каждый звук с улицы кажется гудком машины «03».

Проходит около 20 минут – приезжает скорая. Молодой парень и девушка.

– Здравствуйте, что у вас произошло? – спокойно спрашивает фельдшер.

Рассказываю:

– Я беременна, 33-я неделя, отошли воды... Какой-то щелчок был, и потом хлынуло. Нет, ничем не болела, все было идеально.

– Как ваше самочувствие?

– Все отлично, вроде.

– Схватки есть?

– Нет, ничего не болит.

Доктор отходит в сторону, набирает номер. Я уже в страхе, прислушиваюсь: куда же он звонит?

– Здравствуйте, у меня тут беременная на раннем сроке собирается рожать. В какую больницу ее повезем?.. Во второй роддом? Хорошо, принял.

У меня легкий приступ истерической радости: я читала только хорошие отзывы про второй роддом. Видимо, мысли материализовались, и Вселенная сама определила для меня роддом. Слышу, как врач говорит:

– Собирайте роженицу.

А что собираться-то? У меня даже сумки не готовы, 33-я неделя, я только вышла в декрет, а тут уже... уже рожать.

На дворе январь, пятое число, дубак. Выходим на улицу. Муж крепко, почти судорожно, держит меня под руку, будто я хрустальная. Воздух ударяет в лицо – колючий, обжигающе морозный. И тут Андрей, пытаюсь, наверное, разрядить невыносимое напряжение, выдает:

– Ну что, собралась мне на Рождество Иисусика подарить?

Я останавливаюсь и смотрю на него, не понимая. Мозг отказывается соображать.

– Какой Иисусик? – пар изо рта клубится густым туманом. – Сегодня же только пятое января, до Рождества еще два дня.

Он лишь пожимает плечами, поправляет на мне капюшон:

– Ну не знаю. Вдруг получится?

Я смотрю на него и даже не нахожу, что и ответить на такое странное предположение.

Пока мы идем, мороз моментально пробирает сквозь тонкую куртку, но я уже почти ничего не чувствую. Все тело онемело от внутренней дрожи и осознания происходящего. Единственное желание – поскорее оказаться в больнице и услышать, что с малышом все в порядке.

С горем пополам усаживаемся в карету скорой. Мужа пропускают со мной. Дверь с грохотом захлопывается, и мы трогаемся. Мне велели лежать, и я покорно растянулась на жестких носилках, уставившись в матовый потолок, усеянный точками от сварки. Муж сидит на узком откидном сиденье рядом, его колено покачивается в такт ухабам. До роддома – час езды.

В голове проносится: «Вот и с мигалками прокачусь, как в кино». С наивной надеждой смотрю на водителя, жду, когда зажгутся синие всполохи и завоет сирена. Но все тихо. Только гул мотора и скрип салона.

– А почему без мигалок? – все же срывается вопрос.

Фельдшер, молодой парень, равнодушно бросает через плечо:

– По протоколу не положено. Ситуация не критическая.

«Это у меня не критическая ситуация?» – вспыхивает внутри волна ярости и обиды. Совсем офонарели! Я тут на 33-й неделе рожать собралась, а они даже мигалки включить не удосужились. Куда смотрит эта система здравоохранения? Но вслух ничего не говорю, просто сжимаю руку мужа и отворачиваюсь к холодному стеклу, за которым проплывают темные, безразличные к моей драме улицы.

Один час в дороге растянулся на вечность. Когда ждешь чего-то такого, каждая минута тянется как жевательная резинка – медленно, липко и мучительно. Наконец подъезжаем к роддому. Выгружаемся со всеми нашими дурацкими трантами – я ковыляю, как пингвин, широко расставляя ноги из-за огромного махрового полотенца, зажатого между бедер. Оно уже давно промокло насквозь и стало холодным и тяжелым.

Заходим в приемный покой. По своей наивности я думала, что тут сразу же начнется суэта: ко мне бросятся, поволокут на кресло, начнут срочно что-то выяснять. Но не тут-то было. Никто даже не пошевелился. Санитарка у регистратуры, не поднимая глаз от журнала, бросает:

– Ожидайте. Вы что, не видите, тут очередь? И вообще, почему без бахил?

– Но у меня... воды отошли, – пытаюсь я вставить, чувствуя, как по ногам снова стекает теплая струйка. – Я, наверное, рожаю.

– Милочка, тут все рожают. Это роддом, – ее голос абсолютно плоский, будто она делает замечание о погоде.

«Вот, – думаю, – классное начало. Вечер обещает быть восхитительным».

Не знаю, сколько прошло времени – минут двадцать, а может, все сорок. Я сидела на жестком пластиковом стуле, уставившись в потолок, покрытый трещинами и пятнами, и пыталась ни о чем не думать. Из этого ступора меня выдернула вышедшая наконец медсестра.

– Давайте вашу обменную карту и проходите в смотровую, – сказала она безразлично.

«Боже, ну наконец-то!» – пронеслось в голове. Я пошла за ней, бросив мужу последний взгляд – полный страха и обреченности.

В смотровой холодно, пахнет хлоркой.

– Ложитесь на кушетку, будем смотреть.

«А что там смотреть?» – яростно думаю я, чувствуя, как по-прежнему подтекает вода. – У меня тут бахчисарайский фонтан, а они смотреть собрались. Может, уже что-то делать будем?»

– Как проходила беременность? – врач надевает стерильные перчатки.

– Все хорошо. Ничем не болела.

– Так и ничем? – переспрашивает она с недоверием.

– Ну, как слышите, ничем, – уже сквозь зубы отвечаю я, стискивая их от холода и нервного напряжения.

Она берет мазок, процедура быстрая и неприятная.

– Проходите на УЗИ.

Шаркая ногами в скользких бахилах, я плетусь по коридору в надежде, что хоть там мне что-то прояснят.

Кабинет УЗИ затемнен. Врач просит лечь.

– Ноги туда, животом ко мне. Какой срок?
– Тридцать третья неделя.
– А что случилось?
– Воды начали отходить.
– А вам не ставили многоводие? – врач водит датчиком по животу, вглядываясь в монитор.

– Да нет же, – уже машинально отвечаю я. – В целом беременность проходила отлично. А что такое?

– Судя по всему, вод отошло у вас очень много, – говорит она, замеряя какие-то параметры. – Но при этом ребеночку еще есть где барахтаться. Картина неоднозначная. Одевайтесь и проходите, ожидайте на стуле. Сейчас будем решать вопрос о госпитализации.

21:20

Роддом

Прошло минут двадцать, прежде чем меня наконец-то определили в отделение наблюдения. Вот блин, даже в нормальное отделение положить не могут – еще бы, в наблюдении записали, на звезды любоваться.

Спрашиваю у акушерки, которая ведет меня по длинному, пахнущему антисептиком коридору:

– А что это за такое – наблюдение?

Оказывается, это отделение для женщин с высоким риском осложнений, которых нельзя к «чистым» роженицам. Думаю, ну нормально, какие у меня осложнения? Я ж ведь просто рожая, пусть и раньше срока. Но «осложнения», конечно, у меня есть, правда на голову и у меня, раз я даже не поняла, что на таком сроке может случиться все, что угодно.

На часах без десяти десять вечера – ни врачей тебе, ни медсестер, всех как ветром сдуло. Сидела я на кушетке в палате минут десять, уставившись в казенную белую дверь, в ожидании, когда мне кто-нибудь что-нибудь прояснит. Наконец пришла медсестра, молча, почти механически, подключила меня к аппарату, который считает схватки. А что их считать, коли их у меня нет? Ну, смешные, ей-богу. Естественно, этот агрегат ничего путного и не показал, только ровную линию моего пока еще спокойного живота.

Все это время я мысленно молюсь, чтобы с малышом все было хорошо, глажу живот и шепчу: «Ты потерпи, малыш, еще не вылазь, скоро мы с тобой увидимся, но давай хотя бы не сегодня. Посиди еще немножко». Все повторяю и повторяю, пытаюсь сама себя успокоить.

Из этих раздумий возвращает в этот мир звонок мужа.

– Ну как ты, Верочка?

– Сiju, меряют схватки, пока ничего не сказали, – отвечаю шепотом, будто кто-то может подслушать.

– Ты потерпи, моя дорогая, все будет хорошо, и с тобой, и с нашим малышом.

– Я тебе верю, милый, ты сам главное не переживай сильно. Наберу, как что-то узнаю.

– Так, милочка, давайте без телефонных разговоров мне тут, у нас тут не Смольный! – раздался с порога резкий голос медсестры.

Я вся съезживаюсь от комментария и смотрю на нее испуганно, как провинившаяся школьница. И тут же в отделение влетает, словно на крыльях, доктор из соседнего отделения с громким возгласом:

– Ну, что тут у вас?

– Вот, женщина, рождает, воды отошли на 33-й неделе, а схваток все нет, – отчеканила медсестра.

– Так, все ясно. Уже вечер, ничего кардинально мы не решим. Так что, Светлана Ивановна, делаем токолитики и кортикостероиды. Мамаша, не волнуемся, все будет хорошо. Правда, от уколов может быть тахикардия и тремор, не стоит пугаться – это побочные явления при этих препаратах.

Бляха-муха... Ну вот только мне тремора и тахикардии не хватало для полного счастья. Как будто мало того, что я тут одна в четырех стенах с непонятными перспективами, так теперь еще и трястись начну, как осинный лист.

«Вот и верь приметам»

25 мая 1999, 14:50

Дом

– Верусь, а может, не ходи ты сегодня на эти танцы? – не отрываясь от мойки посуды, бросила как бы невзначай мама, но я по спине узнала ее встревоженную позу.

– Ну мам, я уже с Ирккой договорила, – закатив глаза, ответила я. – Да и вообще, мне нравится на танец живота ходить. Хоть какое-то развлечение, а то все дом – школа – дом.

– Не знаю... Сердце что-то ноет, нехорошо у меня на душе. Как предчувствие.

– Мам, ты вечно преувеличиваешь! – обняла ее сзади, пахнущую луком и средством для мытья посуды. – Что со мной может случиться за полтора часа? Мне уже шестнадцать, как-нибудь доберусь до студии и обратно, это же десять минут на автобусе.

– Ну смотри, моя дорогая, – она вытерла руки о фартук и повернулась ко мне, поправляя мне прядь волос. – Как вернешься домой, сразу набери меня, я уже на работе буду, ладно? Чтобы я не волновалась.

– Хорошо, мамочка, не переживай! Целую! – чмокнула ее в щеку и рванула собираться.

На скорую руку надела юбку и кофту, а в рюкзак кинула главное – длинную юбку с блестками и нашивками для танца живота и короткий топик, чтобы переодеться в студии. Кубарем вылетела из подъезда, на ходу застегивая рюкзак: Ирка уже наверняка ждала меня на остановке.

В автобусе было душно и пахло бензином и чьими-то духами. Я прислонилась лбом к прохладному стеклу и помечтала. Завтра курсы по английскому. А там он... Олег из 11 «Б». Хоть он и маленького роста, даже ниже меня на пару сантиметров, и не то чтобы сильно симпатичный – нос с горбинкой, лицо круглое... Но почему-то от его улыбки у меня подкашивались ноги и становилось глупо и хорошо на душе.

Мои сладкие грезы прервал резкий тычок в бок.

– Верка, ты чего замечталась? Все о своем Олеге думаешь?

Я вздрогнула. Передо мной стояла Ира, смеясь во весь свой озорной рот.

– Ой, ну скажешь ты, Ир! Даже не заметила, как ты зашла! Да так, думаю, как завтра на курсы пойдем. Ты домашку сделала?

– Да че там делать, – махнула она рукой. – Пару минут работы.

– А я вот не успела, – вздохнула я. – Ладно, после танцев засяду.

Мы вышли на «Ялтинской». День и правда выдался на удивление теплым для мая, солнце припекало по-летнему. Я скинула ветровку и повязала ее на талии поверх любимой юбки солнце-клевш – легкой, с цветочным принтом. Мы с мамой покупали ее на свадьбу к двоюродной сестре. Я шла, грациозно покачивая бедрами, радуясь, что теперь такую красоту можно носить и просто так, а не ждать особого случая.

Нам нужно было перейти широкую дорогу: две проезжие части, разделенные бетонным островком безопасности. Первую пересекли легко, болтая о нашем английском, мистере Брауне, который до сих пор коверкал наши имена, называя меня Вирой, а Иру – Айрин.

Подожли к краю второй проезжей части. Загорелся зеленый, и мы пошли, продолжая болтать. Ступили на вторую зебру, до середины я краем глаза заметила, что светофор моргнул желтым, а потом и красным. Машины с противоположной стороны уже срывались с места. Сердце екнуло.

– Ирка, назад! – выпалила я. – Не успеваем!

Я резко развернулась, сделав шаг к островку, и инстинктивно посмотрела налево, откуда вот-вот должен был хлынуть поток машин.

И тут моя жизнь разделилась на «до» и «после».

Я увидела его. Мотоцикл. «Ямаха», кажется. Черная. Она неслась на нас с бешеной скоростью, вырываясь из общего потока. Успела увидеть лицо парня в шлеме – его глаза были расширены от ужаса. Он изо всех сил рванул руль на себя, пытаясь увернуться. Мотоцикл с воєм занесло, он лег на бок и, высекая из асфальта сноп искр, понесся прямо на меня, уже один, как окованный сталью и яростью зверь.

Помню ослепительную вспышку света и оглушительный грохот – будто мир разлетелся на осколки. Следом – тупой, сокрушительный удар в ногу, а потом и в голову. Перехватило дух. А потом... Потом я просто выскользнула из себя, как из тесного платья. Легкая, невесомая, я парила над этим всем бардаком и с любопытством разглядывала со стороны свое тело, нелепо распластанное на раскаленном асфальте.

Зайти обратно оказалось делом техники – решила, мол, еще надо бы пожить. Лишь много позже до меня дошло: это и была та самая клиническая смерть. Видимо, моя душа, потыкавшись в тот свет носом, брезгливо сморщилась и решила, что ее дела на этой грешной земле еще не окончены. Хотя тогда я ничегошеньки не понимала.

Попыталась встать – ноги были чужими, ватными, и асфальт снова неприятно ударил в колени. В висках гудело, как в улье, и в голове была одна сплошная белая завеса из боли и непонимания. Какой-то мужчина, пахнувший табаком и потом, подхватил меня под локоть, помог подняться. Но стоять я так и не смогла, просто плюхнулась на землю, ощущая холодок камней сквозь тонкую ткань юбки.

Куда делась Ирка – загадка. Видать, сдуло ее ветром паники. Зато словно из-под земли выросла моя школьная подруга Машка. Как она тут оказалась – одному богу известно. Лицо у нее было блее моей блузки, а глаза – круглые, как блюдца.

– Вера! Что стряслось? – ее голос дрожал.

– Я только что умерла, – брякнула я и зашлась в истеричном хохоте.

Не знаю, что это было – стрессовая реакция или мне вправду показалось до жути смешным это сюрреалистичное зрелище: вой сирены, голубые мигалки скорой, толпа зевак, окружившая меня, как цирковое представление. От моего хохота Машка побледнела еще сильнее.

Я сидела на тротуаре босая. В метре от меня лежала на боку здоровенная «Ямаха», похожая на поверженного железного коня. Какая-то сердобольная дама, причитая, принесла мне мои шикарные босоножки на каблукке, которые я просто обожала, и с умным видом изрекла:

– Детка, а ведь если обувь слетает с ног во время аварии, то человек – не жилец. Это примета такая.

«Спасибо, тетенька, обнадежили, – пронеслось в голове. – Прямо глоток оптимизма».

Завывание сирены нарастало. «Ну все, – думаю, – сейчас закрутится по полной программе: расспросы, больничка, гипс».

– Верочка, скорая приехала, может, родителям твоим набрать? – предложила Машка.

У нее единственной из нашей компании был сотовый телефон – этакая кирпичеобразная «Нокия», настоящая роскошь тех лет.

– Да, – кивнула я, – только маме не говори, она с ума сойдет. Папе набери, на сотовый.

– Номер помнишь?

– 367-87-98, – выпалила я, удивляясь, как цифры всплыли в памяти.

Тут откуда ни возьмись нарисовались и соседи по дому. Ну спасибо вам, что всем по пейджеру оповещение разослали, что Вера в аварию попала! Слетелись поглазеть...

– Вера, что случилось? – протиснулась в круг любопытная тетя Аня с пакетом в руках.

К счастью, мне не пришлось открывать рот: моя верная Машка все бойко доложила, словно репортер с места событий.

Сквозь толпу ловко пробился фельдшер скорой, молодой парень с усталым и серьезным лицом:

– Дайте пройти к пострадавшей!

«Вот так-то. “Пострадавшая”. Звучит солидно, – подумала я».

Фельдшер принялся водить перед глазами молоточком, тыкать пальцем и задавать дурацкие вопросы: «Какой сегодня день?», «Сколько вам лет?». А у меня в голове пульсировало: «Я жива? А ноги целы?»

– Верочка, я твоему папе дозвонилась, он сейчас приедет, – прошептала Маша.

Не знаю, сколько все это длилось. Люди возникали и исчезали, охали, ахали, задавали вопросы. И вот с визгом тормозов подлетает папина, на минуточку, «Ауди» – завидная машина для тех времен. Он выскакивает, даже дверцу не закрыв, и со всех ног несется ко мне. Обычно папа спокойный, немногословный, но если нужно кого-то «построить» или разрулить ситуацию – тут он мгновенно преображается. Вот сейчас как раз и был его звездный час.

Убедившись, что со мной вроде бы ничего критичного и что сейчас меня повезут в больницу, папа тут же направился к мотоциклисту. Тот, виновато ежась, стоял в сторонке и даже не подошел спросить, жива ли я. Нет, трепки не случилось, хоть парень ее и заслуживал. Папа умел решать дела по-взрослому: с каменным лицом переписал номера мотоцикла и водительских прав, чтобы поговорить уже потом, когда со мной разберутся врачи.

– Девушка, сможете сами встать? – спросил фельдшер.

– Не уверена. Нога не слушается.

Парень бережно подхватил меня под мышки и поволок к карете скорой. Не знаю, какими молитвами я умудрилась в нее вскарабкаться, но уселась на жесткие носилки. И первая дурацкая мысль: «Как хорошо, что сегодня оделась с иголки и даже надела чистые кружевные трусики, а вчера почистила ногти на ногах...». Весь район, можно сказать, видел меня в самом сокроуенном виде, а теперь вот этот симпатичный медик будет осматривать ногу – не поперхнется от невымытой пятки, хотя, думаю, он и не такое видал.

Машина тронулась, маячки замигали. Я поймала себя на идиотской мысли: «Ух ты, еду с мигалками, прям как важный чиновник!» «Ну ей-богу, Вера, не о том сейчас думать», – одернула я себя. Машинально потянулась почесать занывшую голову, взялась за волосы у виска – и застыла в ужасе. В ладони остался огромный, липкий от крови колок.

– Что это? – прошептала я, протягивая трясущуюся руку с этим ужасом фельдшеру.

– Это волосы, – без обиняков ответил он. – Видимо, при ударе мотоцикл задел голову. Просто срезал их.

Ну спасибоочки. Теперь я не только калека, но еще и лысая на одну сторону. Замечательно просто. Спасибоочки.

Минут тридцать мы тряслись в скорой, подпрыгивая на колдобинах. За это время я успела передумать все, что только можно. От жуткой картины: как мама, вся в слезах, увидит мое искаленное тело... и до сугубо практической мысли: на дворе май, самое начало лета, а я, скорее всего, проторчу весь июнь в гипсе, и о походах на речку в деревне можно забыть. Ирония судьбы – месяц минимум в школу можно не ходить, но радоваться тут было совершенно нечему.

Наконец, скорую резко качнуло на повороте, и мы замерли. Задние дверцы со скрипом распахнулись, и я услышала:

– Девочка, давай помогу вылезти.

Мы с фельдшером повозились порядочно, он почти на руках вытащил меня из кузова, я попыталась опереться на больную ногу – и чуть не рухнула. Еле-еле поставили меня на асфальт на одну здоровую.

– Ну а теперь сама, – почти виновато выпалил мой новый, как я на секунду успела подумать, друг. – У нас срочный вызов. Заходишь в главные двери – и налево, в приемный покой. Там тебя уже ждут.

«Благодарствую, а я-то думала, мы с тобой породнились уже», – хотела парировать я, но вместо этого лишь кивнула и, поджав травмированную ногу, бойко поскакала к зданию больницы на одной полуждоровой. Тут же, визжа тормозами, подоспел и папа на AUDI 80. Мигалок у него, конечно, не было, но, судя по лицу, вспотевшему и перекошенному от волнения, он нарушил все мыслимые и немыслимые ПДД, чтобы за нами поспеть.

– Это кто у нас? Романович? – откуда-то из-за спины раздался голос медсестры с тележкой.

– Я! – бойко ответила я, чувствуя себя на экзамене.

– Заходим на КТ, милочка.

Папа, не говоря ни слова, подхватил меня, помог допрыгать до кабинета, усадил на холодный пластиковый стол компьютерного томографа, и его попросили удалиться.

– А зачем КТ нужно? – спросила я, озираясь по сторонам. Аппарат напоминал гигантский пончик.

– Это чтобы узнать, есть ли у тебя сотрясение мозга, милая, – объяснила та же медсестра.

– Ого, как интересно, – искренне восхитилась я, уже представляя, как буду хвастаться друзьям, что меня «просветили» насквозь.

– Тебя не тошнило? Не рвало?

– Вроде бы нет.

– Хорошо, Вера, ложись на кушетку. Я сейчас выйду, а тебе нужно будет несколько минут полежать совершенно неподвижно. Не переживай, это не больно. Все пройдет быстро, ты даже не заметишь.

«Надо же, – промелькнула у меня в голове дурацкая мысль, – она даже имя мое запомнила».

– Хорошо, как скажете.

Минут двадцать я лежала в холодном, несмотря на майскую жару за окном, кабинете. Гулкий треск и жужжание аппарата отдавались в висках. «Вот это я попала на веселье», – думала я, изучая взглядом потолок.

Из забытья меня вывел голос доктора:

– Все, моя дорогая, сейчас позову папу, чтобы помог тебе выйти.

– Ну что с Верой? – в кабинет ворвался папа, которому не терпелось узнать все подробности. Лицо его было бледным.

– Есть легкое сотрясение мозга, – врач говорил спокойно и четко. – Но вам сейчас нужно сделать еще и рентген, чтобы исключить перелом. Гематома обширная, да и наступить на ногу Вера, судя по всему, не может. Идемте.

После съемки нас вернули в тот же холодный кабинет ожидания в приемном покое. Я устроилась на жесткой скамье, положив больную ногу на стул, а папа нервно прохаживался взад-вперед, нервно поглядывая то на часы, то на дверь, откуда должен был появиться врач.

– Па, – тихо сказала я. – Прости меня.

Он остановился, посмотрел на меня с удивлением.

– Это за что?

– Ну... я же знаю, как ты на мотоциклистов ругаешься. А я не посмотрела.

Он тяжело вздохнул, сел рядом и обнял меня за плечи, аккуратно, чтобы не задеть больные места.

– Верка, да не в мотоциклисте дело. Их, козлов, на дорогах пруд пруди. Главное – чтобы ты была цела. Все остальное – ерунда. А с этим товарищем я еще поговорю по-мужски.

В дверях наконец показался молодой врач в помятом халате с рентгеновским снимком в руке. Мы с папой замерли, выжидающе глядя на него.

– Ну что, доктор? – первым не выдержал папа.

Врач подошел к светящемуся экрану, щелкнул включателем и прикрепил снимок. На сером фоне проступили причудливые белые тени – кости моей ноги.

– Ну что я могу сказать, сотрясение мозга все-таки подтвердилось, хоть и легкой степени.

Я вздохнула не с облегчением, а с какой-то тяжестью в груди, ну или с понимаем, что все только начинается.

– Вот, смотрите, – он ткнул шариковой ручкой в снимок, – Видите эту тонкую линию? Это не перелом, к счастью. Серьезная трещина малоберцовой кости. И, само собой, разрыв связок и мощная гематома. Повезло, что не раздробило.

У меня отлегло от сердца. Гипс, конечно, не грозил, но тугая повязка на ногу уж точно.

– То есть... никаких каблуков? – уныло уточнила я.

– Конечно, – врач кивнул. – Никакой нагрузки на ногу минимум три недели. Пока вас отпускаю, но завтра же к неврологу и обязательно обрабатывайте раны.

После всех мытарств нас отпустили домой под подписку и с заверением, что завтра же к врачу.

Папа, крихтя, помог мне добраться до машины и бережно усадил на заднее сиденье. Адреналин, что все это время держал меня на плаву, начал отступать, и мое тело заныло единой, сплошной, пульсирующей болью.

– Так, Вера, – тихо, под шум мотора сказал папа, ловя мой взгляд в зеркале заднего вида. – Чтобы маме ни слова. Она сегодня допоздна работает, ей не стоит на ночь глядя волноваться. Разберемся сами.

– Ладно, пап, как скажешь, – вздохнула я, закрывая глаза. – Я и сама так думаю.

– Ну, и договорились, – кивнул он, и я поняла, что уговор серьезный.

Как дошла до квартиры, уже помню с трудом – будто в тумане. В прихожей прислонилась к косяку и почувствовала, как по спине пробежал противный холодок, а щеки стали пылать. Температура поднималась резко и стремительно, и мне дико захотелось спать – видимо, мой измученный организм так решил защититься от травмы, просто выключив меня.

Сколько я проспала, не помню. Меня разбудил настойчивый, но приглушенный звонок в дверь. В голове тут же пронеслось: «Мама!» Сердце упало в пятки. Но за окном еще не стемнело, она не могла вернуться так рано.

– Пап, кто там? – крикнула я из своей комнаты, судорожно соображая, как прятать ноги, сплошь покрытые сине-багровыми пятнами, которые проступили сквозь не такую уж и бледную кожу.

– Это соседи, Светляковы, – донесся из прихожей спокойный голос отца. – Пришли тебя проведать, фрукты принесли.

– А... Можно, я еще полежу? – голос звучал сипло и слабо. – Меня в жар бросает, неважно себя чувствую.

– Конечно, тебе нельзя утомляться, – сразу согласился папа. – Мы немного посидим, поговорим. Тебе что-то принести?

– Да, пап, давай мне банан и винограда чуть-чуть.

Они сидели на кухне, и обрывки их разговора долетали до меня: «...а я ей всегда говорю, смотри по сторонам как дорогу переходишь...», «...а он на этом мотоцикле как вылетит из-за угла...» Обговаривали, как это меня угораздило вляпаться в такую передрыгу, часа два, если не три. За окном окончательно стемнело, в щель под дверью пробивалась полоска света из кухни.

Я изнывала от тревоги: вот-вот вернется с работы мама и застучает нас на месте преступления со всеми уликами – фруктами и синяками. К счастью, Светляковы ушли раньше.

В 23:20 раздался долгожданный и пугающий звонок в дверь. Мне отчаянно хотелось все рассказать маме, поделиться, чтобы она приласкала и пожалела. Но папин строгий наказ висел надо мной дамокловым мечом, да и сама я прекрасно знала, как она расстроится и переполюшится.

Я лежала в кровати, не вставая, аргумент – «очень устала за день». Мама заглянула в комнату, поцеловала меня в лоб, насторожилась – лоб был горячий – но промолчала и ушла на кухню. И тут раздался ее вопрос, которого я боялась больше всего:

– Верочка, а что у нас столько фруктов на столе? К нам кто-то приходил?

– Нет, мам, – голос прозвучал неестественно высоко. – Может, папа купил?

– Вера, ну столько он бы точно просто так не купил, – не унималась мама. В ее тоне появилось подозрение. – Папа не мог просто так столько фруктов купить.

Я судорожно метнула взгляд по сторонам в надежде, что папа меня спасет, но он как назло ушел в ванную. Придется выкручиваться самой. Ладно, думаю, что остается делать?

– Так а зачем они приходили? – не унималась мама, появившись на пороге моей комнаты.

«Вот, – думаю, – какая приставучая! Ну, мам, извини, сама напросилась». И, откинув одеяло, оголила ноги, сплошь иссиня-черные, в жутких разводах.

– Мамочка, ты только не переживай, все хорошо, уже почти прошло... Меня сегодня сбил мотоцикл.

Я сидела и смотрела, как от ужаса и беспомощности у мамы округляются глаза. Она замерла на пороге, и я буквально видела, как в эту минуту она проживает и мой страх, и все, что только можно, но старается не подавать виду. Только губы ее дрогнули.

– Верочка, как же так? – тихо, почти шепотом спросила она, подходя ближе. – Расскажи, как это произошло?

– Мамочка, ты только папе не говори, он расстроится, – залепетала я. – Мы договорились тебе не рассказывать, а я не удержалась и все выпалила.

– Не переживай, моя дорогая, – она села на край кровати и осторожно погладила мою здоровую ногу. – Папа ругаться не будет.

В этот момент дверь в ванной со скрипом открылась.

– Чего это я ругаться не буду? – спросил папа, вытирая шею полотенцем и на ходу надевая очки.

– Ваня, Верочка мне все рассказала, – твердо сказала мама, но в голосе у нее дрожали нотки упрека. – Я пристала к ней с расспросами про фрукты, а она не смогла солгать. Ты же знаешь, наша дочь не умеет врать.

Папа вздохнул, посмотрел на меня, на маму, развел руками.

– Вер, ты только не переживай, все хорошо, – сказал он устало. – Ничего страшного, что мама узнала. Ложись, отдыхай. Утро вечера мудренее.

Так и началось то, что с пафосом называют «взрослой жизнью» – та ее часть, к которой не готовит ни одна умная книга и ни один родительский совет. Это знание приходит только через личный сокрушительный опыт.

Первым звоночком, первым тревожным звоночком, который перерос в набат, стала паническая, животная боязнь переходить дорогу. Даже по «зебре», даже на зеленый свет, даже за руку с мамой, чьей руке я доверяла всю жизнь. Мое тело наотрез отказывалось сотрудничать. Стоило нам приблизиться к обочине, как ноги становились ватными, в горле комом вставал крик, а по щекам уже текли предательские слезы. Никакие уговоры, логичные доводы («Смотри, машин нет!») сейчас не действовали. Мой мозг видел не асфальт и разметку, а только его – черный ревущий мотоцикл, вынырывающий из слепой зоны. Внутри все сжима-

лось в ледяной комок ужаса, сознание сужалось до точки, и мир вокруг просто переставал существовать, оставляя меня один на один с надвигающейся картинкой-катастрофой.

«Открываем ротик пошире»

23 июля 1999

Дом

Теперь я боялась всего: засыпать, переходить дорогу, быть одной... Родители, отчаявшись и испугавшись моего состояния, решились на отчаянный шаг – резко сменить обстановку. «Купили путевку в Болгарию и всей семьей улетели к морю», – звучало бы как захватывающее приключение для любой шестнадцатилетней девчонки.

Но перед поездкой нужно было обязательно пролечить зуб. Кариес на шестом верхнем справа уже вовсю давал о себе знать ноющей болью при попадании холодного или сладкого, а на поверхности темнело неприятное пятно. Визит к стоматологу назначили на 11 утра. Честно говоря, я вообще не нервничала. У меня всегда был высокий болевой порог, и зубных врачей я не боялась в принципе. Сколько раз уже лечила и кариес, и пульпиты – и всегда все проходило прекрасно, без единой проблемы. Еще в детстве, бывало, я сама успокаивала маму по дороге в поликлинику, пока она бледнела от одного только слова «бормашина».

Но тот день оказался другим.

– Садимся в кресло, открываем ротик пошире, – деловито сказала врач. – Рассказывайте, что беспокоит.

– Справа сверху, – бодро отрапортовала я, усаживаясь в кресло и с любопытством разглядывая инструменты.

– Ага, вижу: кариес, будем лечить. Сейчас сделаем анестезию и приступим.

Я кивнула, совершенно расслабленная. Врач взяла шприц. Игла, длинная и блестящая, бликовала на солнце, пока доктор набирала прозрачный раствор анестетика – новокаин, кажется. Я даже не смотрела на нее, а любовалась видом из окна: самый расцвет лета, деревья в сочной, яркой зелени, а под окном пышно цвела сирень. Ее густой, сладкий аромат, проникая даже сюда, в кабинет, забивал собой запах лекарств и антисептика.

Наслаждалась я недолго.

– Запрокиньте голову, широко открывайте, – скомандовала врач. – Сейчас небольшой укол, потерпите секунду.

Я почувствовала легкий укол и холодок, разливающийся по десне. Врач достала шприц.

– Отлично. Минут через пять-семь начнет действовать, тогда и приступим.

Но прошла всего минута, белые кусты сирени за окном вдруг поплыли, расплываясь в цветное пятно. В ушах зазвенело, а по телу разлилась странная, нарастающая слабость. Голова закружилась так, будто меня резко раскрутили на карусели.

– Что-то у меня... все кружится перед глазами, – успела я только и сказать, и мой голос прозвучал так глухо и странно, как из-под воды, и я начала проваливаться в сон.

Я увидела, как лицо врача резко изменилось, на нем появилась паника.

– У пациентки анафилактическая реакция! Скорее, адреналин! – ее голос прозвучал уже откуда-то издалека.

В кабинете все резко засуетились. Кто-то начал сильно хлопать меня по щекам и махать перед носом нашатырным спиртом, пытаясь не дать мне отключиться: «Вера, Вера, смотрите на меня! Вдыхайте!» Я чувствовала, как мою руку резко дергают – это вводили укол в вену, чтобы купировать шок. Я не понимала, что происходит. Мир сузился до обрывков звуков, пятен света и нарастающего чувства тошноты и страха. Меня охватила паника, но сил не хватало даже чтобы крикнуть.

Вскоре подъехала скорая. В кабинет ввалились люди в другой форме, меня хоть и не переложили на каталку, но выводили под белы ручки. Помню удивленные лица пациентов в коридоре. Врач скорой на ходу спрашивал стоматолога о том, какой именно анестетик использовали. В машине измерили давление, послушали сердце – все показатели уже были почти в норме, адреналин сделал свое дело. Я лежала, сотрясаясь от нервной дрожи.

В приемном покое меня быстро осмотрели, поставили капельницу для дезинтоксикации и почти сразу отпустили с папой, который, бедный, снова сорвался с работы и примчался через весь город, чтобы спасти меня. На этот раз – от анафилактического шока.

В этот же день мы пошли к неврологу на консультацию, и там выяснилось, что такую дикую реакцию вызвала вовсе не аллергия на препарат. Виной всему было недавнее сотрясение мозга. Оно дало о себе знать в самый неподходящий момент, нарушив работу вегетативной нервной системы и спровоцировав вазовагальный криз, который по симптомам был очень похож на анафилаксию.

«Лето, которое не состоялось»

2 июля 1999

Болгария

И вот после всех приключений с аварией и зубом мы отправились в Болгарию. Для меня, никогда прежде не летавшей, это был настоящий подвиг. Рев двигателей я путала с ревом мотоцикла, а каждую турбулентность воспринимала как катастрофу. Но тогда мне удавалось себя более-менее контролировать, зажав подлокотники до белизны на костяшках пальцев.

Настоящее же испытание ждало меня уже по приезде, на курорте, под ласковым, казалось бы, солнцем. Именно там я в полной мере и узнала, что такое паническая атака.

Это не просто чувство нехватки воздуха. Это внезапное и абсолютное ощущение, что тебя выдернули из реальности и бросили в вакуум. Все начиналось с дурацкой мелочи: слишком громкий смех на пляже, кто-то, неожиданно пробегающий рядом, резкий звук. Сначала – просто легкая тревога, мурашки по спине. Потом сердце будто проваливалось в пустоту, чтобы в следующую секунду забиться с бешеной скоростью, отдаваясь тяжелыми ударами в висках и в горле. Дыхание перехватывало, легкие отказывались работать, я начинала хватать ртом воздух, но он был каким-то пустым, безжизненным, не насыщающим кровь. В ушах стоял оглушительный звон, а зрение сужалось до туннеля, на периферии которого все плыло и темнело.

Самый жуткий момент – осознание полной потери контроля. Ты понимаешь, что сходишь с ума или умираешь. Мысль «вот-вот я умру» была не фигурой речи, а единственной и абсолютной реальностью. Внутри все кричало от первобытного ужаса, а снаружи я могла лишь сидеть, сжавшись в комок на песке, или, притворяясь, что сплю, вжиматься в шезлонг, пытаюсь хоть как-то заставить диафрагму сделать очередной судорожный вдох. Мир вокруг становился чужим и враждебным. А следом накатывало чувство чудовищной, всепоглощающей стыдливости. Казалось, все смотрят и видят, какая я ненормальная, сломанная.

Таких атак за отпуск случилось пять. Каждая забирала силы, оставляя после себя выжженное поле и леденящую усталость. Для моей шестнадцатилетней неокрепшей психики это стало суровейшим испытанием, но я его вынесла. Пережила. Но не уверена, что с доблестью – скорее выползла на берег, едва живая, покрытая синяками не только на ногах, но и на душе. И понимала: путь к выздоровлению будет куда дольше, чем дорога домой.

3 сентября

Дом

Остаток бесконечного лета я провела у бабушки в деревне. Родители, особенно папа, надеялись, что свежий воздух, парное молоко и тишина, нарушаемая лишь кудахтаньем кур да гулом трактора вдалеке, исцеляет мои нервы. Что организм окрепнет, а страх рассеется, как утренний туман над речкой. Но, к сожалению, атаки, как партизаны, предательски нападали и здесь. Вдобавок начались жуткие кошмары. Я видела во сне тот самый визг тормозов и лицо мотоциклиста – испуганное и растерянное. Стала бояться засыпать: казалось, если отпущу контроль и провалюсь в сон, сердце остановится от пережитого ужаса. Умом, конечно, это не объяснить – какая рациональность у шестнадцатилетней девочки, вся юность которой вдруг сузилась до размеров темной комнаты и собственного учащенного сердцебиения? Я понимала, что в деревне мне ничего не угрожает, но пережитая травма была сильнее любого здравого смысла. Она жила где-то в подкорке, в самом нутре, и настойчиво, без перерыва на каникулы, напоминала о себе. Вот в таких муках и прошло мое лето.

«Рабоче-крестьянские» показатели

12 ноября 1999

Школа

Сегодня на уроке химии от резкого запаха аммиака и монотонного голоса учительницы началась одна из самых сильных атак. Мир поплыл, сердце выскакивало из груди, а ладони стали ледяными и липкими. Меня, бледную и трясущуюся, отправили к медсестре.

В школьном медпункте пахло хлоркой и лекарствами. Медсестра, женщина с усталым лицом, первым делом сунула мне под руку манжету тонометра. Стрелка замерла на цифрах 140 на 90, пульс зашкаливал за 120. «Детка, да у тебя сердце скачет как бешеное, еще и давление», – пробормотала она, и в ее голосе сквозь профессиональную строгость прорвалась искренняя тревога. Я, конечно, целое лето провела в деревне, но не настолько же, чтобы перенять от бабушки с дедом такие «рабоче-крестьянские» показатели.

Медсестра экстренно набрала папу. Я слышала, как она, сбивчиво и сглатывая слова, обрисовала ситуацию: «Иван Андреевич, у Верочки... высокое давление, пульс запредельный... состояние нестабильное, срочно приезжайте».

Папа мой, Иван Андреевич, – человек со стальным рукопожатием и взглядом, способным просверлить бетон. Начальник большого бизнеса, построенного с нуля в лихие 90-е. Он выкован эпохой, где выживает самый жесткий и неуступчивый, и со всеми разговаривал в приказном, подчиняющем тоне, не особенно утруждаясь подбором выражений. Его авторитет был для него всем.

Через двадцать минут в коридоре раздались его быстрые, уверенные шаги, знакомые всей школе. Дверь медпункта распахнулась с такой силой, что ударилась о стену.

– Где Вера? – его голос, низкий и властный, громоподобно прокатился по маленькому кабинету, не оставляя места для вопросов.

Медсестра, моментально сникнув, залепетала:

– Она... она вышла в туалет, не волнуйтесь, сейчас вернется...

Лицо отца потемнело. Он сделал шаг вперед, и кажется, даже воздух в комнате сгустился.

– Как вы могли отпустить ее одну в таком состоянии? – не сильно-то тихим тоном говорил он. – Ей плохо! А вдруг она упадет в обморок? Вы вообще головой думаете, или там у вас только инструкции расписаны?

Медсестра, поняв, что спорить или что-то объяснять бесполезно, молча кивнула и буквально выпорхнула из кабинета, чтобы привести меня в целости и сохранности и передать отцу.

15 ноября 1999

Больница

После всего произошедшего я оказалась в больнице. Организовал ее папа, конечно же, по своим связям. Слово «связи» было ключевым в его лексиконе, целой невидимой картой города, где он был главным навигатором. Он славился этим: мог решить вопрос в три звонка, найти «нужного человека» глубокой ночью, и вот уже двери лучших учреждений открывались перед нами без очереди и лишних вопросов. Эта способность договариваться было его суперсилой и главным щитом для семьи.

В этой больнице, пахнувшей антисептиком и озоном, я узнала, что такое транквилизаторы – таблетки, которые за считанные минуты могут набросить на панику ватное одеяло. И еще я узнала, что здесь, в палатах с видом на город, большие, почти взрослые девочки лежат одни. И справляются со своими страхами, с болью, с тоской по дому – тоже одни. Это был мой хоть и не первый, но самый настоящий урок взросления: твой страх – это только твоя проблема, и смотреть ему в глаза предстоит тебе самой.

Врачи, серьезные тети в белых халатах, выдвинули версию: а что, если корень проблемы не в нервах, а в голове? Последствие той аварии, незамеченная травма, микроскопическая гематома, давящая на важные центры, вызывая эти дикие приступы тахикардии и скачки давления в моем юном возрасте. Решение было одно – МРТ головного мозга.

Обследование назначили на утро. На улице стоял промозглый, пронизывающий дубак. Из окна машины мир казался серым и недружелюбным. Так не хотелось вылезать из теплого салона и ехать в незнакомое место, на непонятную, пугающую процедуру. Я не знала, что такое МРТ, представляла себе нечто среднее между гигантским микроскопом и камерой пыток из старых фильмов. Знала только, что там бывает страшно.

Аппарат находился в другом корпусе – МРТ в то время считанные больницы могли позволить себе, столь дорогостоящий аппарат. В кабинете было прохладно. Воздух пахнет металлом и стерильным холодом. В центре комнаты стоял огромный, белый, как айсберг, томограф с туннелем, похожим на вход в другую, очень технологическую вселенную.

Медсестра, женщина с уставшим, но добрым лицом, похлопала по узкой кушетке, которая должна была заехать внутрь этого монстра.

– Так, деточка, давай ложись на спину, головой сюда, в эту специальную выемку, – ее голос пытался быть бодрым, но я слышала заученность этих фраз. – Да не переживай ты так, это совсем не страшно. Смотри, вот ты заедешь внутрь, и аппарат начнет работать. Самое главное – лежать смирно, как солдатик. Совсем не двигаться.

Она надела на мою голову наушники, похожие на противошумные у строителей.

– Когда аппарат начнет работать, твоим ушкам будет очень громко, – предупредила она. – Так и должно быть, ты не пугайся. Это разные сигналы, он так «фотографирует». Я сейчас выйду из кабинета, но мы будем слышать друг друга через переговорное устройство. И вот, смотри, – она вложила мне в правую руку резиновую грушу, похожую на велосипедный клаксон. – Это твоя кнопка безопасности. Если вдруг станет совсем невмоготу, жми на нее, и мы сразу все остановим. Но только, детка, без надобности не дави, а то не получится хорошо все посмотреть, придется сначала.

Именно тогда, в тот самый миг, когда кушетка с легким дрожанием начала задвигаться внутрь узкого, тесного тоннеля, а белый пластик оказался в сантиметрах от моего носа, я и узнала, что такое настоящая клаустрофобия. Аппарат заработал, и звук превзошел все мои ожидания: это не был просто громкий шум. Это был оглушительный, пронизывающий все тело грохот, словно прямо в ушах долбили отбойным молотком по металлическому листу. Ритмичный, безумный, всепоглощающий.

Я зажмурилась, вцепилась пальцами в резиновую грушу и считала секунды. Сердце бешено колотилось, дыхание сбивалось. Мысль нажать на кнопку, крикнуть «Достаньте меня отсюда!» была невероятно сильной. Но где-то глубоко внутри сидела упрямая мысль: «Родители бы могли мной гордиться». И я терпела. Стиснув зубы, с влажными от слез глазами, я лежала неподвижно, побеждая страх ради призрачной надежды на одобрение тех, кто ждал за дверью.

Я вынесла это испытание с доблестью солдата, вернувшегося с невидимого поля боя. Наверное, родители и вправду мной гордились. Просто не умели говорить об этом. Их язык любви состоял из действий: из найденной лучшей больницы, из оплаченных процедур, из деловых звонков в коридоре. Но конкретных, простых, таких нужных слов: «Я тобой горжусь, дочка», – я так и не услышала. А может, они просто не догадывались, какая битва кипела в моей голове там, в грохочущей трубе, и какую победу я одержала в одиночку.

Результаты МРТ оказались чистыми, и это стало странным разочарованием. Вместо облегчения я почувствовала пустоту: отчаянно хотела услышать конкретное название – грыжа, опухоль, что угодно, – чтобы получить волшебную таблетку, которая одним махом разрешит все мои мучения. Но мне лишь вежливо улыбнулись: «С вашим мозгом все в порядке».

13 мая 1999

Дом

После Нового года начался долгий марафон по врачам. Я попала в другую больницу, где меня ждала череда всевозможных обследований. ЭЭГ с ее датчиками, напоминающими шлем из фантастического фильма, холтер, который я носила сутки, как надоедливое животное, УЗИ и анализы, выявляющие все что угодно, кроме причины моего страха. Потом пришло море таблеток: сначала безобидные успокоительные, затем мощные транквилизаторы с их коварными побочными эффектами.

И только моя собственная, собранная по крупицам сила воли раз за разом заставляла меня вставать, дышать и проходить через это. Я училась жить заново.

Так незаметно пролетел учебный год. Вместе с ним постепенно, как назойливый туман, рассеялись самые пугающие спутники моей болезни: дикие панические атаки, приступы тахикардии, когда сердце готово было выпрыгнуть из груди, и скачки давления. Но их место тихо, но прочно заняла фоновая, привычная тревога. Она не кричала, а шептала. Она не нападала, а просто всегда была со мной. И я поняла, что моя битва еще не закончена.

«Вот же ...»

5 января 2015

Роддом

Вот и прикатали меня, наконец, в палату. Вкололи что-то, и тут же подкатали этого железного друга – аппарат такой, умный, с помпой. Он теперь без устали, по капле, дозирует мне в вену лекарство, которое должно обмануть природу и остановить схватки. Провода, трубка, лейкопластырь – теперь это мой неразлучный спутник на неопределенный срок. Ну, как минимум, до утра. А там посмотрим, выйду я на свободу или наша дружба затянется.

В палате – ад адский. Не палата, а парная. Воздух спертый, дышать им тяжело, будто грудь ватным одеялом закутали. Окно, конечно, закрыто наглухо. Видимо, бояться, что кого-то из нас продует. А то, что мы тут, как раки, медленно и мучительно варимся в этом бульоне, их, видите ли, не волнует. Вероятность задохнуться от жары меркнет перед их страхом сквозняка.

– Как тебя зовут? – раздается из-за спертой темноты хрипловатый голос.

Только сейчас, повернув голову, я различаю на соседней койке силуэт. Оказывается, я не одна в этой палате.

– Вера, – выдыхаю я. – А тебя?

– А я Светка.

«Вот же ...», – проносится в голове мысль. Неужто Бог решил не мелочиться и послал мне еще и соседку? Девушка была сложена не просто солидно, а монументально – весила, на мой взгляд, никак не меньше крыла от бомбардировщика. Надеяться, что она поможет, если что, явно не приходилось.

Дрожащими пальцами, которые уже начало потряхивать от обещанной тахикардии, набираю номер Андрея. Отчаянно хочется услышать хоть что-то родное, не этот больничный шорох и хрипы.

– Меня перевели в палату, – лепечу я в трубку. – Поставили уже два укола... Один, говорят, вызывает тахикардию и тремор. Руки вот... уже трясутся. А мне еще с этим аппаратом... как с тележкой... везде ходить. Даже в туалет таскаю его за собой, этот мой несчастный капельный оловянный солдатик...

– Верочка, милая, все будет хорошо, – его голос, такой знакомый и спокойный, кажется единственной ниточкой, связывающей меня с нормальным миром. – Ты у меня такая сильная, ничего, справимся. И с Арсюшей все будет хорошо. Ложись, постарайся отдохнуть. Завтра день сложный.

– Люблю тебя, Андрюша...

– И я тебя, Верочка. Крепись.

А потом началась ночь. Ночь, которую я запомню надолго. Я лежала, прислушиваясь к каждому щелчку аппарата, вливающего в меня спасительную отраву, и пыталась поймать хоть глоток того самого запретного воздуха из щели в раме. Тело ломило, руки мелко дрожали, а сердце колотилось, словно хотело выпрыгнуть и сбежать из этой душной ловушки.

И тогда в бой вступила Светка. Она заснула мгновенно и с размахом. Ее храп был не просто звуком. Это было явление природы. Глубокий, низкий, многослойный гул, исходивший, казалось, из самых недр. Он начинался как отдаленный рокот, набирал мощь, перерастал в густой, металлический рев, будто рядом с заведенным мотором методично переключали передачи, а потом срывался на свист и хриплый всхрап. Храпела она именно как танк – неумимо, мощно и разрушительно для моего и без того шаткого спокойствия. Этот звук заполнял палату, бился о стены и глухо отзывался в висках. Казалось, даже стекла в запечатанном окне начинают звенеть в такт.

Я лежала, уставившись в потолок, и думала, что до завтра, до этого сложного дня, мне нужно как-то дожить. А мой железный друг тихо тикал под аккомпанемент «танковых залпов» соседки.

«Случай номер такой-то»

6 января

Роддом, больничная палата

Только меня сморило – в палату врывается медсестра – десантник в белом халате. И не просто заходит, а орет что есть мочи, будто мы не в двух шагах, а на другом конце коридора:

– Девочки, подъем! Завтраааааак!

Вслед за ней в проем вписывается тележка с тем самым «сытным пайком». Я смотрю на это все отекающими глазами, голова тяжелая, будто всю ночь не спала, а цемент грузила.

– А разве мы не в столовую идем? – спрашиваю я, пытаюсь прийти в себя.

– Детка, ты где? Это обсервация! – флегматично сообщает медсестра, расставляя на тумбочки тарелки. – Здесь у всех постельный режим, кому-то двигаться вообще нельзя. Так что кушайте в постели.

«Ну вот, попала...» – проносится в голове.

Собираю всю волю в кулак и откусываю батон с маслом. Он будто ватный, безвкусный – от стресса и недосыпа все рецепторы отключились. Ем просто потому, что надо.

Позавтракали в гробовой тишине. Светка не проронила ни слова, только чавкала едва слышно. «Вот бы и ночью ты была такой же молчаливой, подруга», – мечтаю, с тоской вспоминая ее ночные «танковые учения».

Но, проглотив последний кусок, моя соседка по несчастью вдруг ожила и стала невероятно словоохотливой.

– Ой, я так устала от этой беременности! – начала она свои жалобы. – Хоть бы уже родиться! Только, слышь, сама хочу, без стимуляций да проколов пузыря. Я уже наслушалась от подружек, как там бедных рожениц мучают!

– Угу... – только и смогла выдавить я.

Мне было не до Светкиных разговоров, потому как состояние мое оставляло желать лучшего. Руки тряслись, как осиновые листья, а сердце колотилось с такой безумной скоростью, что казалось, вот-вот выпрыгнет и побежит жаловаться на меня главврачу. Эта тахикардия возвращала меня в те страшные дни после аварии, когда я была маленькой, испуганной и абсолютно беспомощной Верочкой. Ну уж нет, нечего раскисать. Надо брать себя в руки.

Решив проявить активность, я стараюсь подняться, чтобы сходить в туалет. Мой «железный друг» – аппарат с уколом – едет за мной, предательски побрякивая колесиками и цепляясь за все неровности пола.

Как я корчилась в этом туалете – надо было видеть! Одна рука занята уколом и агрегатом, который его делает. Вторая трясется, пытаюсь справиться с одеждой. Сам аппарат нахально встает колесом поперек двери, не желая вписываться в кабинку. А я, изогнувшись в три погибели, пытаюсь присесть, не задев ничего стерильного и не запутавшись в больничной ночнухе. Это был прям какой-то квест на выживание с элементами акробатики. Я там и приседала, и наклонялась, и даже одной ногой подпирала дверь, чтобы она не прихлопнула моего «друга». Вышла оттуда вся красная, вспотевшая, с ощущением, что только что сдала нормы ГТО для беременных в тяжелом весе. Но с чувством выполненного долга.

Ровно в десять утра в палату уверенной походкой вошла врач – Лариса Ромуальдовна. Женщина статная, с внимательным, усталым взглядом за очками. Обход начался с моей «сокамерницы», и это слово как нельзя кстати описывает наше положение.

– Так, – врач открыла историю болезни и начала изучать. – Светлана Григорьева?

– Эт я! – громко, чуть ли не с вызовом, отозвалась Светка, будто на переключке.

– Ну, как ваше самочувствие? Жалобы есть?

– Да я уже рожать хочу, доктор! Я уже так замучилась тут валяться, сил моих нет!

– Понимаю. Сегодня будем стимулировать родовую деятельность. Если все пойдет хорошо, к вечеру познакомитесь с малышом.

– А как стимулировать-то будете? – в голосе Светки прозвучала тревога.

– Для начала проведем амниотомию – вскроем плодный пузырь. Если динамика раскрытия шейки матки будет недостаточной, решим вопрос с медикаментозной стимуляцией окситоцином. Так, давайте измерим давление – врач минут пять то надувала, то спускала манжету и внимательно вглядывалась в манометр. – Милочка, давление у вас, конечно, высоковато. Будем наблюдать. Сейчас приедет медсестра с аппаратом, проведем кардиотокографию – КТГ, проверим состояние ребеночка, посмотрим его сердцебиение.

Лариса Ромуальдовна перевела взгляд на меня.

– Ну, а вы, я так понимаю, Вера Малинина?

– Да, это я, – кивнула я, чувствуя, как по спине пробежали мурашки.

– Поступили вчера вечером с преждевременным излитием околоплодных вод. Провели токолиз – остановили родовую деятельность сальбутамолом. И ввели курс дексаметазона для профилактики респираторного дистресс-синдрома у плода, чтобы раскрыть легкие малыша. Как ночь перенесли? Тремор сильно беспокоил? Тахикардия?

Я горько усмехнулась, кивнув на Светку:

– Целую ночь не сомкнула глаз. В таких акустических условиях заснуть было проблематично.

– Понимаю. Будем после обеда собирать консилиум, решим, как с вами поступить дальше. Пока – строгий постельный режим. Набирайтесь сил, они вам еще понадобятся. И, кстати, больше не кушайте. Не исключено, что сегодня будем проводить экстренное кесарево сечение.

От этого слова – «кесарево» – у меня резко кольнуло в груди, и холодная волна страха прокатилась по всему телу, от макушки до пят. Так рано... Это же всего тридцать третья неделя. Я планировала доносить хотя бы до тридцати восьми, читала книжки о естественных родах, выбирала позы... Но здесь никто не спрашивал моего мнения. Мой малыш уже все решил за меня, своим упрямым желанием поскорее увидеть мир.

Когда Лариса Ромуальдовна, закончив осмотр, вышла из палаты, я осторожно положила ладонь на живот, под больничной рубашкой. Он был тугим и напряженным.

– Слышишь меня, сыночек? – прошептала я, стараясь, чтобы Светка не услышала. – Арсюша... Ты там потерпи, ладно? Не спеши. Твоим легким нужно еще немного подготовиться, понял? Тут, снаружи, дышать сложно, поверь маме. – Я прислушалась, стараясь уловить хоть какое-то движение, любой знак. Но внутри было тихо и неподвижно, будто он затаился, прислушиваясь к стуку своего сердца и гулкому эху чужих голосов. – Побудь еще немножко у меня внутри. Всему свое время. Я люблю тебя. Мы с папой ждем тебя больше всего на свете, но давай еще чуть-чуть подождем. Ради меня. Прошу тебя.

Время в палате тянулось странно: минуты расплывались в бесконечность, а часы, наоборот, пролетали незаметно. Так мы и пролежали не знаю сколько – то ли два часа, то ли четыре. Врачи и медсестры то уходили, то приходили, но уже не ко мне. Вся их энергия была направлена на Светлану: ей кололи какие-то препараты, постоянно проверяли раскрытие, у кровати сустились, стимулируя затянувшиеся роды. А я все лежала, уставившись в потолок, и ждала. Внутри все сжималось в один тугий, болезненный комок ожидания того самого, страшного слова – консилиум.

Раздавшийся звонок телефона заставил меня вздрогнуть. Мама.

– Верочка, родная, ну как ты? Что говорят врачи? – ее голос срывался от беспокойства.

– Пока ничего нового, мам. Сказали, будут консилиум собирать. Вот жду.

– Ой, Верочка, я так переживаю! – на другом конце трубки послышались сдавленные всхлипы. – Папа уже весь город обзванивает, ищет знакомых в этом роддоме. Сама же знаешь, у нас везде так – со связями и рожать легче, и всегда есть у кого узнать, что да как на самом деле. Чтоб тебя не напрасно прооперировали.

– Мам, не надо, успокойся. Я знаю, что все будет хорошо, – я старалась убедить в этом больше себя. – Как там бабушка?

– Ой, бабуля места себе не находит, все молится за тебя и за нашего малыша, свечки ставит. Ладно, не буду тебя держать, береги себя, родная!

– Хорошо, мам. Я потом перезвоню. Кажется, уже за мной...

Как будто по сигналу, дверь открылась, и на пороге появилась та самая медсестра.

– Вера Малинина? Давайте за мной, на консилиум идем.

«О Боже, началось», – пронеслось в голове. С одной стороны, леденящий душу страх. С другой – слабый лучик облегчения: хоть что-то сдвинется с мертвой точки, я наконец узнаю, какие у них планы на меня и моего малыша.

Я откидываю одеяло, и меня охватывает новый виток стыда и унижения. На мне, конечно же, не моя уютная, домашняя пижама, а старая, потертая больничная сорочка. Выцветшая синяя ткань, грубые швы, на груди чуть заметное пятно от йода. И я в этом должна идти на совещание, где будут решать мою судьбу и судьбу моего ребенка, ну вот обидно, ей-богу.

Я не подготовила сумку в роддом. Это была такая уверенность, что еще целых семь недель впереди, все успеть можно. Я даже список составила, отложила красивые новые халат и ночнушку для выписки. А теперь я здесь, одна, и иду на консилиум в чем попало – в чужом, неудобном белье, с растрепанными волосами и без единой капли косметики. Чувствуешь себя абсолютно голой, уязвимой и бесправной перед лицом системы. Как будто я не «будущая мама», а – «случай номер такой-то».

Медсестра помогла мне аккуратно спустить ноги с кровати и поставить на пол моего верного железного друга – инфузионную помпу на колесиках. Она мерно щелкала, подавая в мою вену лекарство. Я пошла, придерживая одной рукой стойку с капельницей, другой поправляя ненавистную сорочку на спине. Я шла по коридору, чувствуя на себе взгляды санитарок и таких же, как я, женщин в дверях палат. Шла, пытаюсь сохранить остатки достоинства, которого меня лишили обстоятельства, на встречу со своей судьбой, абсолютно неподготовленная, но отчаянно надеющаяся на чудо.

Кабинет был просторный, до белизны стерильный, и от этого – безнадежно чужой. Воздух был густой, пропахший антисептиком и чем-то еще, куда более тяжелым – страхом и безысходностью. Только я зашла, как на меня уставились десять пар глаз. Врачи, целый консилиум. И не просто консилиум, а консилиум из женщин и двух мужчин. Это обстоятельство, конечно, меня особо «порадовало».

«О Боже, – начала паниковать я, – они что, всех врачей больницы сюда позвали? На меня и мою... смотреть?» Жаркая волна стыда ударила в лицо. «Вот жесть настоящая. Ну такого унижения я еще в жизни не испытывала». Внутренний голос, истеричный и резкий, тут же принялся причитать: «Блин, да я даже не побрилась! Как я там?...» И тут же сама себя одернула: «Вера, заткнись! О чем ты вообще думаешь? Сейчас не до твоих дурацких выделываний. Твои эстетические страдания абсолютно неуместны. Решают судьбу твоего ребенка, а ты о бикини-дизайне вспомнила».

– Роженица, проходите, пожалуйста. Снимайте трусы и располагайтесь на кресло, – раздался спокойный, профессиональный голос главного врача.

«Трусы. Ну насмешили, – горько усмехнулась я про себя. – Какие нафиг трусы?» С тех пор как я вчера вечером выскочила из дома с двумя мокрыми полотенцами между ног, я своих нормальных, хлопковых, домашних трусов больше не видела. На мне были эти убогие, одноразовые, похожие на целлофан, казенные шорты, которые впиваются во все места и шелестят при каждом движении, напоминая о твоей полнейшей беспомощности.

Я послушно, как зомби, прошла до этого гинекологического монстра. Пытаясь забраться на него, одной рукой держалась за холодный металл капельницы, другой – за холодный же край кресла, чувствуя, как эта нелепая сорочка задирается и открывает все мои прелести этим десяти парам профессиональных глаз. «И какое же это, к черту, “кресло”? – лихо ругнулась я мысленно. – Кресло – оно удобное, в него плюхаешься с чашкой чая. А это – холодный, скользкий, отполированный до блеска инструмент для пыток. Унизительное и бездушное сооружение».

Осмотр начался с типичных вопросов, на которые я уже сто раз отвечала: первые роды, срок, как отошли воды, какие препараты вводили. Я отвечала коротко, голос мой звучал глухо

и отчужденно, будто не мой. Потом главный врач, та самая Лариса Ромуальдовна, спросила о чем-то, чего раньше никто не спрашивал.

– Скажите, Вера, а в анамнезе у вас были черепно-мозговые травмы? Сотрясения мозга?

Вопрос повис в воздухе. И вдруг время резко дернулось, как пленка в старом кинопроекторе. Сотрясение... Да, было. Одно-единственное, но такое яркое, что до сих пор иногда снится.

Палата на секунду поплыла перед глазами, и я увидела не белые стены, а асфальт. Горячий, шершавый асфальт тротуара, упирающийся прямо в лицо, а в ушах стоит оглушительный, нестихающий рев. Не рев, а рык. Рык мотоцикла. Тот самый, который выскочил из-за угла и сбил меня, шестнадцатилетнюю, на пешеходном переходе.

– Да... – выдохнула я, возвращаясь в настоящее, в этот белый кабинет. Голос мой прозвучал сипло. – Было. Меня в шестнадцать сбил мотоцикл. Было сотрясение, лежала несколько раз в неврологическом после этого.

Врачи переглянулись, между ними пробежала почти невидимая молчаливая искра понимания. Один из мужчин, тот, что помоложе, с умными усталыми глазами за стеклами очков, что-то быстро и размашисто записал в мою историю болезни. Лариса Ромуальдовна кивнула, ее лицо осталось непроницаемой профессиональной маской, но в уголках глаз читалась напряженная работа мысли.

– Спасибо. Это очень важная информация, – произнесла она, и ее голос прозвучал в тишине кабинета гулко. – Мощный гормональный всплеск на фоне беременности, да еще и усугубленный таким стрессом, мог разбудить старые, «спящие» травмы. Это могло стать спусковым крючком и для преждевременных родов. Медлить больше нельзя. Будем делать операцию. Игорь Филиппович, – она повернулась к коллеге, – завтра у нас какая бригада дежурит? Кто на смене?

Тот, к кому она обратилась, начальственно поправил очки.

– Лариса Ромуальдовна, завтра же седьмое января, Рождество. Работает одна дежурная бригада. Вы уверены? Может, подождем до после праздников, посмотрим в динамике?

Главный врач покачала головой, ее решение было непоколебимым.

– Коллеги, посмотрите анализы. У нас лейкоциты зашкаливают, С-реактивный белок растет – идет явный воспалительный процесс. Амниотической жидкости по УЗИ – кот наплакал, каждый час промедления – это риск для ребенка. Я думаю, никто не будет возражать против экстренного кесарева сечения. Рожать она будет завтра.

– Согласна с Ларисой Ромуальдовной, – тут же отозвалась немолодая женщина в халате.

– Поддерживаю, – кивнул еще один врач.

– Значит, готовим роженицу к экстренному кесареву сечению на седьмое января, – резюмировала Лариса Ромуальдовна. – Но прежде еще раз возьмем развернутые анализы и сделаем контрольное УЗИ.

Мне стало вдруг очень холодно, будто меня окунули в ледяную воду. Неужели эта старая, забытая травма, этот случайный удар судьбы пятнадцатилетней давности теперь аукнется моему нерожденному сыну? Чувство вины, такое острое и всепоглощающее, больно кольнуло под сердце, заставив сжаться. Казалось, все в моей жизни, даже самое давнее, зарытое в глубинах памяти, теперь ополчилось против нас с малышом, сговорилось, чтобы помешать ему родиться здоровым.

Но следом, сквозь этот ледяной ужас, пробила странная, теплая волна облегчения. Приговор был вынесен. Неопределенность, это мучительное ожидание в душной палате под аккомпанемент храпа Светки, закончилось. Теперь был четкий, ясный план. И в нем был невероятный, ослепительный луч.

Я вдруг вспомнила слова моего Андрюши, сказанные еще тогда, когда мы только узнали о беременности. Он, смеясь, обнял меня и сказал: «Верка, представляешь, если наш малыш

родится на Рождество? Это же будет самый счастливый ребенок на свете!» Тогда это казалось милой шуткой, несбыточным пророчеством, ведь ПДР стоял на февраль. Но теперь оно, это пророчество, начало сбываться с пугающей и восхитительной точностью.

Страх и радость схлестнулись во мне в непримиримом поединке. Я до ужаса боялась операции, исхода, того, что с малышом что-то будет не так. Но одновременно мое сердце пело от счастья – ведь наш малыш появится на свет в самый светлый, самый волшебный праздник. Рождество. Было в этом что-то предназначенное свыше, и эта мысль согревала меня изнутри, давая силы бороться со страхом.

Я вернулась в палату, толкая перед собой свою верную капельницу, и первое, что бросилось в глаза – соседняя кровать. Она была пуста, застелена чистейшим, почти стерильным бельем, без единой складки. Светки и след простыл.

Чувство было двойственным, противоречивым. С одной стороны, в груди расправились крылья облегчения: никакого храпа, никаких тяжких вздохов и разговоров о родах. Тишина. Благословенная, уединенная тишина, чтобы переварить все, что только что произошло. А с другой – накатила неожиданная, щемящая грусть. Пропал человек, с которым мы, пусть и всего одну ночь, но делили этот крошечный мирок боли и ожидания. И теперь так дико хотелось поделиться с кем-то, даже с ней, такой вот восхитительной, оглушительной новостью – завтра, седьмого января, я впервые стану мамой! Ну разве это не чистейшее волшебство, пришедшее в самый праздничный день?

Первым делом, почти не дыша, схватила телефон. Пальцы дрожали, промахивались мимо иконки. Набрала Андрея.

– Привет, милый, как ты? – выдохнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал от переполнявших меня эмоций.

– Все спокойно, Верочка, – его родной, такой знакомый и твердый баритон моментально обволок меня чувством защищенности. – Ты лучше расскажи, как ты? Что врачи сказали?

– Только что был консилиум, – начала я, и слова полились сами, путаясь и набегая друг на друга. – И... они сказали, что будут делать кесарево. Завтра. Андрюш, твое предсказание сбылось! Малыш родится на Рождество!

На другом конце провода на секунду воцарилась тишина, и я буквально физически ощутила, как его настроение изменилось со спокойного на тревожное.

– Верочка, подожди... Так все серьезно? Так плохо, что сразу на операцию? – в его голосе послышались те же нотки страха, что копошились и во мне.

– Сказали, что анализы не очень, воспаление есть, – постаралась говорить максимально бодро, смягчая углы, чтобы не пугать его сильнее. – И... ну, там еще выяснилось, что мое старое сотрясение могло дать о себе знать. Поэтому решили перестраховаться, не рисковать. Андрюша, ты можешь мне собрать сумку? – быстро перевела я тему, умоляя его мысленно просто согласиться. – Подгузники самые маленькие для малыша, мне одноразовые трусики послеоперационные... Я список на Ватсап скину.

– Конечно, козявочка, – его голос сразу стал мягче, покровительственным и нежным. – Все сделаем по первому разряду. Не переживай.

У меня защемило где-то глубоко внутри. «Козявочка». Он часто называл меня так, особенно в самые важные, трогательные или трудные минуты, когда нужно было подбодрить, утешить, сказать без слов: «Я тут, я с тобой, ты моя маленькая, я тебя защищу». И я его частенько величала «козявочкой» в ответ. Пошло это с наших самых ранних встреч. Тогда, на одном из первых свиданий, я плакала из-за какой-то ерунды на работе, а он, пытаясь утешить, смахнул с моего носа слезинку и сказал: «Ну что ты раскисла, моя маленькая козявочка?» И как-то сразу стало и смешно, и легко. Это слово стало нашим секретным шифром, паролем в мир, где мы только вдвоем, где все просто и беззащитно.

– Сможешь до восьми вечера привезти?

– Конечно, обязательно. Все будет.

Я положила трубку, и вот тогда на меня обрушилось осознание во всей его полноте. Завтра операция. А это значит, что с этой самой секунды мне нельзя ни есть, ни пить. Совсем. Ни крошки, ни глоточка.

И как назло, именно сейчас, сильнее чем когда-либо, мне дико захотелось и того, и другого. Горло пересохло, будто я неделю в пустыне провела. Я с жадностью посмотрела на свой недопитый стакан с водой на тумбочке. Он стоял там, такой простой и такой недостижимый, покрытый капельками конденсата. А желудок, предатель, вдруг напомнил о себе легким сосущим чувством. Я с тоской представила себе аромат теплого чая с лимоном, кусочек шоколада, – даже этот больничный батон с маслом, который утром казался таким безвкусным, теперь виделся пиршественным деликатесом. Но нельзя. Ничего нельзя. Чтобы под местным наркозом не случилось ничего страшного. Эта простая, суровая медицинская правда вдруг показалась мне самым большим лишением на свете. Я сидела на кровати, смотрела на стакан с водой и чувствовала себя одновременно самой счастливой и самой несчастной женщиной на земле.

Вечер наступил серый и бесконечно длинный. Светку, как оказалось, перевели в родзал. Ну а мне оставалось только ждать. Ждать и прислушиваться.

Я лежала на спине, положив ладони на свой огромный тугой живот, превратившийся в центр вселенной. Каждый мой нерв был натянут как струна. Внутри меня бушевала тахикардия – сердце колотилось с безумной, неровной частотой, то замирая от страха, то бешено ускоряясь, словно пытаясь вырваться из груди и убежать. А еще был этот предательский тремор. Руки лежали на одеяле, но мелкая, неконтролируемая дрожь заставляла пальцы подрагивать, а саму простыню сбиваться складками. Это было похоже на внутреннюю электрическую бурю, на сбой в системе, который я не могла остановить. «Успокойся, все будет хорошо», – твердила я себе мысленно, но тело не слушалось, откликаясь на коктейль из гормонов страха и остаточного действия препаратов.

И я слушала. Всей кожей, всем нутром, каждой клеточкой я вслушивалась в то, что происходит внутри. Я ловила каждое движение, каждое шевеление, каждый легкий, едва уловимый толчок.

– Ты там, сыночек? – шептала я в тишину, глядя ладонью живот. – Потерпи еще немножко. Не бойся. Я с тобой. Мы с папой тебя очень ждем.

Его движения были моим единственным якорем, доказательством, что он все еще там, что он жив и борется вместе со мной. Каждый пережат, каждое легкое пинание ножкой заставляло меня выдохнуть с облегчением. А потом, когда он затихал, страх накатывал с новой силой: все ли с ним хорошо? Хватает ли ему кислорода? Слышит ли он меня?

Эти бесконечные метания прервал звонок. Это был муж и моя мама, они привезли вещи, что я просила. Еле собрав силы в кулак, я вышла к ним на лестницу.

– Верочка, родная! – мама сразу бросилась ко мне, обняла, и от ее знакомого запаха духов и домашнего уюта у меня в горле встал ком.

– Мам, Андрюша...

Андрей молча поставил сумку, его взгляд был полон такой силы и поддержки, что мне на мгновение стало чуть легче. Он достал все необходимое: пачку подгузников для «крохи», упаковки одноразовых трусиков для меня, новенький халат, тапки, бутылку воды без газа.

– Все собрал, как ты просила, козявочка, – сказал он тихо, погладив меня по волосам. Это прозвище, такое глупое и такое любимое, в его устах прозвучало как самая нежная ласка.

Мама тем временем уселась на краешек кровати и взяла меня за руку, как в детстве.

– Папа звонил, – начала она таинственно, понизив голос, будто в роддоме могли быть скрытые микрофоны. – Он нашел-таки знакомых здесь, в больнице. Поговорил с одним очень важным врачом. Они сказали, что за тобой будут присматривать. И самое главное... – она

сделала драматическую паузу, – они сразу после операции, как только осмотрят малыша, все нам расскажут. Все анализы, все показатели. Не будем томиться в неизвестности.

Ее слова должны были меня успокоить, и часть меня действительно ухватилась за эту соломинку – «присматривать», «расскажут». Но другая часть, измученная страхом и гормональной бурей, сжалась еще сильнее. Если уж ищут связи, значит, все действительно серьезно. Значит, есть чего бояться.

Они пробыли недолго, и их уход стал началом самой длинной ночи в моей жизни. Я осталась одна наедине со своим телом, предательски дрожащим, с бешено стучащим сердцем и с бесконечным диалогом с маленьким человеком под сердцем. Я гладила живот и шептала ему истории о папе, о том, как мы его ждем, о том, какая счастливая жизнь его ждет. Просила его быть сильным. Просила его не бояться. И сама при этом умирала от страха.

Часов в семь вечера ко мне зашла дежурная медсестра и повела меня на плановое УЗИ перед завтрашней операцией. Уже в кабинете, неуютно расположившись на кушетке, я замерла, затаив дыхание. Сердце в груди заколотилось с новой силой, и я боялась, что его стук заглушит все остальное. Холодный гель на животе заставил вздрогнуть. На экране, в черно-белых разводах, появилось его личико, такое знакомое и уже бесконечно родное. Он был скрючен, как обычно, но врач внимательно водила датчиком, измеряя параметры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.